

3. Дѣленіе на боевые отдѣлы (участки). Назначеніе войскъ для каждаго изъ нихъ.

4. Мосты подготовить для взрыва или уничтожить; сдѣлать броды неудобными для перехода, убрать суда, плавучія средства вообще; построить укрѣпленія.

5. Размѣстить главный резервъ (главныя силы).

6. Командный пунктъ.

7. Связь.

Коллега.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ дневника участника кавказскаго фронта.

*(Продолженіе). **

1.

На границу.

Востепенно наши части стали стягиваться и уходить изъ насиженныхъ мѣстъ для участія въ бояхъ... Насталъ и нашъ чередъ, какъ всегда, внезапно...

Въ ночь на 3-е ноября снялись и ушли на нагрузку къ воинской платформѣ. Долго пришлось ожидать очереди нашему третьему эшелону. Прохладно, сыро... Хочется соснуть въ теплѣ... Промаялись всю ночь. Только въ пятомъ часу утра поѣздъ, наконецъ, двинулся и можно было немного отдохнуть...

Насталъ ясный день... Вдали горы въ снѣгу. Надъ ними носятся облака... Мелькаютъ селенія... На поляхъ пахутъ на волахъ или что то убираютъ... Зелень сильно подернута осенью, чистыя дали. На горахъ мѣстами по ущельямъ лежитъ туманъ. Хлопковые поля съ бѣлыми крупными тычками...

**) См. «Военный Сборникъ» № 3, 1916 г.*

Вотъ мостъ черезъ рѣчку. На одномъ холмѣ мусульманское кладбище, а дальше, словно гигантскія развалины крѣпости, внизу же станція Ашага-Сераль... Тепло. Бабье лѣто. Пустили два поѣзда: сзади и спереди, а на станціи свободенъ одинъ лишь путь. Вотъ начальство и заволновалось, какъ быть.

Рѣшили остановить у семафора нагоняющій поѣздъ, а впустить встрѣчный, затѣмъ отправить и нашъ впередъ... Тамъ, дальше все забито. Слѣдомъ пускать воинскіе поѣзда въ виду горнаго участка воспрещено, вотъ и приходится дожидаться безъ конца на станціяхъ... Все же мы отсюда двинулись... Идетъ сплошь сборъ хлопка... Кругомъ селенія... Подъемъ. Начинаются предгорья. Горы, словно крѣпости, съ гребнями наверху. Стояли долго на 55 верстѣ. Возлѣ ст. Садахло не только хлопокъ, но и виноградники. Невдалекѣ отъ станціи красуется большой помѣщичій домъ ген. Меликова. На станціи все съѣли предыдущіе эшалоны, а запасовъ нѣтъ. Пришлось искать пропитанье на сторонѣ. Хорошо, что поблизости духаны татарскіе. Тутъ же и лавки у проѣзжей дороги. Заказали шашлыкъ. Вынесли намъ столъ на дорогу у канавки и мы разсѣлись: кто на колодѣ, кто на табуреткѣ. Шашлыкъ вышелъ вкусный, мягкій. И чурекъ хорошій. Аппетитно все... Вмѣсто салфетокъ пришлось брать «пипифаксъ», ничего не подѣлаешь. Хорошо было бы къ шашлыку винца, да не продаютъ. Только съ большимъ трудомъ при содѣйствіи полиціи удалось добыть для «больного» изъ подваловъ ген. Меликова пятилѣтняго вкуснаго вина, а кто посмѣлѣе, пробрался къ управляющему въ гости и тамъ ихъ угостили и обѣдомъ, и винцомъ не продажнымъ... Ввиду продолжительной стоянки пошли гулять вдоль полотна среди зеленѣющихъ травъ, хлопковыхъ полей, деревьевъ. Погода дивная... Справа все время тянется заборъ-плетень, ограждающій экономію наслѣдниковъ ген. Левана Меликова. Сзади на горкѣ церковь, а рядомъ на холмѣ какія то зданія. На другой сторонѣ желѣзной дороги тоже строенія съ черепичными крышами, какъ всюду здѣсь. Слѣва лѣсистая гора... Шумитъ рѣчка, перебираясь по камнямъ... Привольно...

Свечерѣло... Задерживаемся изъ-за участка отъ Салаина(?), гдѣ добавляют подталкивающій паровозъ, а потому приходится ожидать возвращенія, такъ какъ не хватаетъ при такомъ усиленномъ движеніи паровозовъ...

Пришелъ санитарный поѣздъ съ ранеными: тутъ и классные вагоны, и теплушки, всего до 40 штукъ... Двинулись лишь около 7 час. вечера. Съ нами ѣдетъ казначейство.

На платформѣ помѣщены два ящика—двуколки. Возлѣ нихъ двое часовыхъ. Всѣ знаютъ, что везутъ денегъ не мало (больше милліона рублей). Долго ли до грѣха—но остальной караулъ близко, въ теплушкѣ...

Вступаемъ въ горы. Выемка. Нависли сѣрыя скалы, красиво освѣщаемыя изъ оконъ вагоновъ. Въ промежуткахъ подступаютъ листовенныя деревья, цѣлыя рощи... Чѣмъ выше по ущелью, тѣмъ растительность лучше. Деревья—могучіе красавцы...

Привезли еще раненыхъ 647 чел., въ томъ числѣ 25 тяжело, и 14 офицеровъ. Много еще осталось въ Сарыкамышѣ, много двигается на фургонахъ, а тѣ и пѣшкомъ, черезъ Саганлугскій перевалъ. Попадаютъ уже и наши, вѣдь 14-й полкъ, говорятъ, удержалъ натискъ насѣдавшихъ турокъ, попавъ прямо съ похода въ бой. Это все отголоски Кеприкейскихъ боевъ и отхода съ боемъ нашего авангарда послѣ усиленной рекогносцировки... Снова продолжительная стоянка на разѣздѣ Айрулъ. Кто то звонко поетъ «Чайку»... Слѣва шумитъ, бурлитъ Дебедачай. Дальше добрались до ст. Ахталы съ живописнымъ ущельемъ возлѣ, гдѣ, говорятъ, высоко на утесѣ находится соборъ и двѣ церкви...

2.

За ночь проѣхали верстъ 20 и утромъ проснулись въ Салаинѣ. Красивыя скалы. Слѣва внизу ступени къ большой буфетной станціи, гдѣ можно достать кофе, пирожное, и кипятокъ для нижнихъ чиновъ... Ниже бурлитъ Дебеда-чай, а за ней высится громада, покрытая прильпившимися къ нависшимъ скаламъ хвойными деревьями... Отдѣльныя высоты... Верхушки въ облакахъ—не проснулись еще «тучки золотыя»... Справа гора, а сверху какъ будто крѣпостная стѣна—высокій каменный гребень. Сзади въ ущельѣ остался самый поселокъ Салаинъ. Идутъ школяры съ книжками... Стояли недолго. Тронулись уже съ двумя паровозами, изъ которыхъ одинъ подталкивалъ. Извивы рѣки. Справа все тянется гребень. На скатѣ площадки, засаженныя деревьями. Видны сторожки лѣсниковъ. Повыше лѣпятся ласточкины гнѣзда-сакли. Кругомъ горы, скалы, ущелья; масса тропокъ разбѣгается по разнымъ направленіямъ... Начинаются тоннели. За разѣздомъ справа на горѣ пріютился монастырекъ старинной, видимо, постройки. Нѣсколько зданій, печурка-выемка въ скалѣ... Дико и красиво... Слѣва у дороги памятникъ и вырѣзанъ

каменный крестъ. За рѣчкой пещера. По крутизнѣ ползутъ козы, а по ущельямъ мелькаютъ селенія-аулы. Вотъ ворвался бурный потокъ и забурлила въ рѣчкѣ вода еще пуще, какъ будто недовольная нарушителемъ ея относительнаго покоя... За поворотомъ вышка, а за ней словно гигантскій замокъ, окруженный въ нѣсколько уступовъ высотами-бастіонами... Видимо здѣсь жизнь бьетъ ключомъ. Масса мостиковъ черезъ рѣчку: то постоянныхъ, то изъ одного бревна, то животрепещущая жердочка, но зато съ перилами... Вотъ у самой вершины прикуриула сакля...

По высокому желѣзнодорожному мосту перебрасываемся на правый берегъ Дебеда-чай... Дико, дико вокругъ... Вотъ впадаетъ ручей. Напротивъ пещера, а надъ ней обозначилось мѣсто—ложе бурныхъ потоковъ, низвергающихся съ высотъ... У промелькнувшей сторожки площадка, огородъ... Тоннель за тоннелемъ безъ конца, даже у самой станціи Калагерань... Справа вьется петлей колесная дорога на высокую гору и дальше въ молоканское селеніе Воронцовку, гдѣ даже въ избахъ электричество. Каково! Со всѣмъ Европа въ азіатской трущобѣ.

Спустились внезапно облака и окутали вершины, такъ что дальше нѣкоторое время туманъ мѣшалъ любоваться видами, хотя сверху ярко свѣтило солнце...

Слѣва широкое ущелье, рѣчка, мостъ на ней и высокая скала... Очаровательная картина! Все время мелькаютъ: повороты, извивы, тоннели, скалы, выемки, овцы по скатамъ, частыя долинки... Рѣчка, называемая Бамбакъ-чай, глубоко внизу... Ущелье здѣсь болѣе лѣсистое, но меньше живописныхъ скалъ... Ыдемъ медленно вверхъ по площадкѣ на скатѣ надъ Бамбакомъ... Ползутъ облака. На вершинахъ уже виднѣется снѣгъ... На ст. Шагели просились въ поѣздъ два турецкихъ дезертира-армянина, какъ доложилъ бравый жандармъ... Одинъ былъ съ документомъ-пропускомъ, а другой ничего не имѣлъ...

Ыдемъ дальше. Вижу, глубоко внизу Бамбакъ... Справа узкое, поросшее деревьями, ущелье. Красивый висящій мостъ черезъ рѣчку, вырывающуюся изъ этой живописной щели. Кругомъ горы покрыты голыми деревьями лиственныхъ породъ, а за ними виднѣются зеленыя елки...

Идетъ заготовка кольевъ и устройство проволочныхъ загражденій возлѣ моста. Всюду стража—ополченцы. Еще бы! Одна вѣдь ниточка связываетъ съ границей; оборвись она, надолго прервется все сообщеніе по этимъ горнымъ мѣстамъ...

Все выше и выше... Чудесное ущелье Бамбака. Внизу вьется проѣзжая дорога. Перекинуть мостъ черезъ рѣчку...

Туманъ разсѣялся... Тихо... Поетъ гдѣ то пичужка...

На 130 верстѣ пѣнится внизу Бамбакъ. Дивныя скалы, мосты, ущелья, тоннели. Вонъ отдѣльный утесъ съ сосной наверху—на часахъ! Тамъ большой водопадъ у самыхъ ногъ... Тепло... Яркое солнце... Сажу на ступенькахъ вагона... Опять тоннели. Стендѣть, а тамъ снова на свѣтъ Божій... Камни, покрытые мхомъ, мѣстами напоминаютъ кругобайкальскую дорогу, но внизу не могучій красавецъ Байкаль, а шумливый Бамбакъ...

Вонъ широко развернулась долина съ домиками, мостомъ и станціей по имени рѣчки... Тутъ недалеко къ кислый минеральный родничекъ. Кристально чистая вода, по вкусу похожая на Боржомскую...

Снова тоннели... Сколько тутъ ихъ! Сначала небольшой подъемъ и спускъ къ Караклису. Дорога идетъ ущельемъ, почти безлѣснымъ. Въ долинахъ много, видимо, сѣна... Вотъ пересѣкаемъ рѣчку Ванадторъ... Магометанское кладбище. Ниже идетъ молотба при помощи быковъ... Слѣва въ селеніи старая церковь...

3.

Селеніе Караклисъ въ большой долинѣ. Русская православная церковь. Дачныя мѣста. Когда то стояли войска, былъ лазаретъ...

Здѣсь мы обѣдали. Отличный борщъ. Чудная лосось-форель, привозная изъ оз. Гокча. Пообѣдали мы совершенно случайно благодаря тому, что пришлось артельщику купить картофель, капусту и это задержало отправленіе эшелона.

Мы просили еще за нѣсколько станцій передать, что будемъ обѣдать, а они не передали. Любезный народъ, что и говорить...

Идемъ дальше... Всюду сѣно. Масса барановъ. Живутъ сплошь армяне. Отсюда автомобильное сообщеніе съ Делижаномъ и дальше на оз. Гокча...

Лѣсъ исчезъ. Обширная долина. Селенія по спуску. Бѣжитъ рѣчка. Дорога-шоссе уходитъ направо, то приближаясь, то скрываясь, то перебѣгая на другую сторону. Масса вѣдуковъ... Ыдутъ на волахъ... Дорога проходитъ вдоль р. Чичханъ... Вотъ ст. Амамлы, отъ которой черезъ селеніе уходитъ въ горы шоссе на Эривань... Водяная мельница... Достигли уже порядочной высоты... Видны арыки... Снова скалы. Небольшой тоннель передъ выходомъ въ

долину. Пашутъ картофельное поле. Дѣвочки собираютъ вырытый картофель въ мѣшки, то и дѣло нагибаясь къ землѣ... Деревья у рѣки, цѣлыя рощи. На лужайкахъ пасутся коровы... Шоссе все не отстаютъ... Все ближе къ снѣгамъ.

Ст. Налбалдъ. Армянская церковь. Дождались встрѣчнаго поѣзда съ ранеными въ бояхъ 27—30-го октября у Кебрика. Раненые охотно рассказываютъ, какъ изъ сел. Идѣ, занятаго Ольгинскимъ отрядомъ, было послано два баталіона для поддержки праваго фланга. Добрались было версты за 1½ до Гасанъ-Калы но пришлось отступать подъ напоромъ массы турокъ, благодаря чему они совершенно было насъ окружали. Подъемы тамъ страшно крутые, трудно доступные для подвозки боевыхъ припасовъ. Среди раненыхъ много армянъ, все болѣе въ лѣвую руку. Изрѣдка попадаютъ раны въ голову, ногу. Когда этотъ поѣздъ уходилъ изъ Сарыкамыша, раненымъ сообщили, что наши туркестанцы оставили наступленіе насѣдавшихъ турокъ и даже отбросили ихъ отъ передовыхъ частей отряда...

Пахотныя поля по всей обширной долинѣ. Большой подъемъ на водораздѣльный перевалъ между Курой и Араксомъ...

На ст. Калтакчи продавали массу яицъ, собираемыхъ съ осѣдлыхъ селеній.

Тутъ скрещеніе почтовыхъ поѣздовъ, потому надолго застряли. А тамъ еще пропустили санитарный поѣздъ. Провезли два вагона плѣнныхъ курдовъ и турокъ въ фескахъ. Охраняютъ стрѣлки нашихъ полковъ. Плохо одѣты плѣнники... Раненый казачій офицеръ рассказываетъ, что «это все дрянъ; днемъ дерутся, ночью вмѣсто преслѣдованія отходятъ спать и отдыхать; нельзя ихъ не бить. У Кебрика и Гасанъ-Кола, гдѣ наши заняли чуть не 4 пункта, было всего полковъ пять, да еще казаки. Турки же нагнали массу войскъ изъ Эрзерума. Подойди раньше туркестанцы, они бы не рѣшились атаковать и обходить».

Теперь надо держаться у Зивина и на ближайшихъ перевалахъ, такъ какъ зимняя кампанія чрезвычайно тяжела и надо много войскъ.

Двинулись дальше. Медленно поднимаемся. Добрались и до снѣга. Вотъ каменный коридоръ и тоннель въ 2 версты. Тѣма крошечная. И въ тоннелѣ электрическая тусклая лампочка лишь посрединѣ. Тоннель, видимо, обдѣланъ внутри. Въ концѣ его просачивается черезъ промежутки каменной кладки вода. Видны тачки. Идутъ какія то работы...

Выбрались на Божій свѣтъ. Лежитъ всюду снѣгъ. Большой спускъ среди каменныхъ стѣнъ... На ст. Джаджуръ встрѣтился еще санитарный поѣздъ Закавказскихъ жел. дор., а затѣмъ другой. Много раненыхъ...

На равнинѣ въ туманѣ виднѣются огни—это Александрополь, наша временная стоянка.

4.

Вотъ и станція... Въ виду поздняго времени разрѣшено было оставаться въ вагонахъ, а съ ранняго утра по легкому морозцу приступили къ разгрузкѣ, пока отводили помѣщеніе, такъ какъ предполагалось, что мы застрянемъ здѣсь надолго. Можно было помѣститься въ крѣпости, но это далеко отъ города, потому предпочли остаться въ худшемъ помѣщеніи, но зато въ центрѣ, на людяхъ...

А тянетъ къ людямъ—все таки больше узнаешь, чувствуешь себя ближе къ водовороту событій, разыгрывающихся и на нашемъ фронтѣ... Потолкались, напримѣръ, на вокзалѣ и сразу натолкнулись на тяжелую сцену. Приѣхалъ съ позиціи какой то чиновникъ и сообщилъ о смерти въ бою подпоручика одного изъ квартировавшихъ здѣсь полковъ Ч. Услышала объ этомъ мать... Съ какимъ отчаяніемъ она закричала: «убили, убили моего сыночка; нѣтъ больше моего сыночка бѣднаго!»... Истерика, вопли... Плачутъ родственники, даже посторонняя дамочка, у которой тоже мужъ на войнѣ, крѣпилась, да не выдержала, тоже разрыдалась... Тяжелая картина,—вчужѣ больно становится и за прерванную молодую жизнь, полную силъ, и за разбитую жизнь стариковъ-родителей. Ну, эти хоть знаютъ о судьбѣ сына... А вотъ вернулся оттуда же другой отецъ, о сынѣ котораго были разнорѣчивыя вѣсти: не то въ плѣну, не то убитъ... Долго разыскивалъ бѣдняга родную могилку, да оказалось, что братская могила, гдѣ могъ лежать его Валя, во власти турокъ и ему невольно придется ждать когда наши снова оселятъ... Кому изъ нихъ тяжелѣе? Положимъ, что въ глубинѣ души еще надежда теплится. Но общіе интересы—выше частныхъ: интересы отечества этого требуютъ.

А тамъ?... Тамъ все кончено, все погибло... Одинокая старость впереди... Догорай, жизнь!...

У перрона, пока мы обѣдали на вокзалѣ, стоялъ пришедшій съ позицій, военно-санитарный поѣздъ. Раненыхъ много и, какъ въ другихъ поѣздахъ, масса армянъ съ лѣвой рукой на перевязи,

легко раненые... Давно меня заинтересовало это обстоятельство. Чѣмъ это объяснить? Кавказская армянская пресса, а за ней и наша русская, отводитъ слишкомъ много мѣста армянскому вопросу въ его новой фазѣ. Получается невообразимая шумиха, словно все дѣлаютъ въ войнѣ съ Турціей одни армяне, словно безъ нихъ наша армія ничего не значить. На самомъ же дѣлѣ... Я не буду говорить о добровольческихъ отрядахъ, такъ какъ мало освѣдомленъ объ ихъ дѣятельности и охотно вѣрю, что тамъ люди сражаются за идею, за освобожденіе армянъ отъ ненавистнаго турецкаго ига; что въ ихъ ряды становится цвѣтъ армянской молодежи, ринувшейся на борьбу съ вѣковымъ врагомъ ихъ націи. Не такъ обстоитъ, повидимому, дѣло съ нижними чинами изъ армянъ, попавшими въ армію не добровольно, а въ силу закона. Приходилось бесѣдовать на эту тему съ разными лицами: съ докторами, бывшими на передовыхъ позиціяхъ; съ офицерами и нижними чинами, дравшимися бокъ о бокъ съ армянами; съ тѣми или иными прикосновенными къ войску лицами, которымъ приходится имѣть съ ними дѣло... И что же? Отовсюду слышишь одно и тоже: громадная масса армянъ идетъ воевать неохотно, старается отлынивать, симулируя разныя болѣзни, чтобы легче было эвакуироваться и на правахъ героя вернуться на родину, во время боевъ они находясь въ окопахъ, охотно выставляютъ лѣвую руку съ папачой или безъ нея вверхъ, благодаря чему турки или курды пристрѣливаются и ранятъ «храбреца», выводя его изъ строя. Объ этомъ возмущенно рассказываютъ бывшіе здѣсь въ бояхъ. Да и какъ же иначе объяснить такой громадный процентъ выбывшихъ изъ строя армянъ съ раненіями въ лѣвую руку? Попадаются и перебѣжчики, хотя не вѣрится какъ то въ возможность подобнаго явленія, такъ какъ имѣются факты, говорящіе обратное—перешла, на примѣръ, съ намъ чуть не цѣлая рота турецкихъ армянъ съ ружьями, во главѣ съ командиромъ.

Это было понятно, тамъ ихъ гнали силкомъ...

А у насъ? шумятъ, кричатъ, что нѣтъ ни одного армянина, который бы не пошелъ съ радостью биться со своими поработителями... Молва же говоритъ иное, упорно, настойчиво. Это уже не слухи, а факты, которыхъ можно много собрать... Вотъ шумиха что надѣлала!

Теперь трудно вѣрится вообще въ то воодушевленіе, которое якобыхватило всѣхъ армянъ... На словахъ, но не на дѣлѣ...

«Шумимъ, братцы, шумимъ»... Лучше бы дѣлали свое дѣло

безъ шума, безъ трескучаго фейерверка, а молча, какъ дѣлаетъ свое великое, міровое дѣло нашъ простой русскій человѣкъ...

5.

Александрополь—небольшой захолустный армянскій городокъ, оживлявшійся стоявшими здѣсь раньше войсками, а теперь словно замерзшій въ ожиданіи лучшей доли. И по внѣшности онъ такой же сѣрый, унылый. Всѣ постройки изъ какого-то, очевидно, лучшаго здѣсь, строительнаго матеріала—черно-сѣраго камня.

Съ вокзала ведетъ черезъ весь городъ, съ горки на горку, Бобутовская улица, чрезвычайно грязная въ мокрую погоду и пыльная, когда все подсохнетъ и подуетъ вѣтерокъ, частый здѣшній гость.

Отъ нея отходятъ въ разныя стороны нѣсколько улицъ, изъ которыхъ, повидимому, Александровская должна считаться мѣстнымъ «Невскимъ проспектомъ», такъ какъ на ней расположены мѣстные «Мюръ и Мерилизы», городской клубъ, парикмахерская, ресторанъ, гостинница, церковь. Немного дальше на одной изъ боковыхъ улицъ находится зданіе городского банка, думы, а напротивъ небольшой садикъ, въ которомъ пріютился «народный домъ»—одноэтажное зданіе съ зрительнымъ заломъ, террасой. Здѣсь небольшая труппа «Черной кошки» ставитъ разныя миниатюры: оперетки, фарсы, сценки; по извѣстнымъ днямъ спектакли для взрослыхъ—«парижскій жанръ», самая неприкрытая парнографія. Эта труппа, по слухамъ, съ нетерпѣніемъ ждетъ взятія Эрзерума, чтобы явиться туда первыми пионерами цивилизаціи, пожинать лавры, а, главное, набить карманы, пустующіе въ Александрополѣ.

Изъ народнаго дома или кинематографа, который, конечно, и здѣсь имѣется, публика идетъ по домамъ или ужинать въ семейную столовую «Львовъ», городской клубъ или ресторанъ «Аннола». Въ клубъ доступъ свободенъ. Помѣщеніе приличное: хорошая столовая, бильярдная, большой танцевальный залъ. Тамъ съ объявленіемъ войны вечеровъ не бываетъ, а ставятъ столы и сражаются на зеленомъ полѣ. Подаютъ хорошо, дешево и вкусно, лучше, пожалуй, чѣмъ въ Аннолѣ». Зато здѣсь обстановка оригинальная. Вся внутренность расписана сценами изъ сказки о царѣ Додонѣ и пѣтушкѣ съ соответствующими надписями. На примѣръ: «и съ дѣвицею молодой царь отправился домой», причемъ изображена дѣвица, сильно не молодая, дебелая, а самъ Додонъ съ сизымъ но-

сомъ, какъ у добраго пьяницы, и громадной бородой. Въ томъ же родѣ и стилѣ и другія подходящія сцены, вызывающія добродушный смѣхъ. Ресторанъ считается первокласснымъ, но подаютъ скверно. Спиртные напитки даются безпрепятственно, какъ, впрочемъ, вообще въ городѣ, гдѣ торговля мѣстными винами, разными водками и коньяками производится безпрепятственно, разъ покупатели «вольные» или офицерскіе» чины.

На той же Александровской улицѣ находится гостиница «Италія» тоже съ рестораномъ, а возлѣ нея кондитерская, въ которой можно кофе выпить подъ пальмами и даже съ сахаромъ, хотя въ городѣ сильный «сахарный голодъ», притомъ какой-то непонятный: и есть сахаръ, и нѣтъ его. Торговцы говорятъ, что нѣтъ запасовъ, а подвозъ прекратился; публика же увѣряетъ, что они сами не желаютъ продавать, такъ какъ установленная такса слишкомъ низкая и невыгодная для нихъ. Смилостивятся—продадутъ частному лицу фунта два, пошлешь официальную записку, дадутъ больше, а обратишься къ приставу, запасешься и нужнымъ количествомъ.

Съ конца Бебутовской улицы, если свернуть по Карской мимо банка и народнаго дома, зданій почты и строительной комиссіи, дорога влѣво оставляетъ почти заброшенное армянское кладбище съ валяющимися по землѣ памятниками, а вправо оврагъ, тянущійся къ Бебутовской улицѣ, прямо же ведетъ мимо сараевъ къ крѣпости-складу, виднѣющейся неподалеку на холмахъ.

Вдали выдѣляется церковь Сѣверскаго драгунскаго полка, а дальше блеститъ рѣка Арпачай съ желѣзнодорожнымъ мостомъ по дорогѣ въ крѣпость Карсъ.

Лѣвѣе, на окраинѣ города, находится «Холмъ чести» съ каменной часовней, своего рода обширная братская могила героевъ, павшихъ за родину въ 1853—54, 1877—78 гг. и въ настоящую тяжелую, но славную годину.

Цѣлый рядъ сѣрыхъ памятниковъ, часовенекъ, крестовъ. Указаны на каждомъ: чинъ, фамилія и названіе боя. Похоронены и боевые генералы: Гейденъ, Лорисъ-Меликовъ, Соловьевъ. При мнѣ опустили въ могилу павшаго на нашемъ фронтѣ молодого офицера мѣстнаго полка. Дали нѣсколько залповъ. Прокатилось эхо далеко къ снѣговой верхушкѣ могучаго Алагѣза, молча взирающаго на копошащійся внизу людъ.

Толпа разошлась по домамъ.

Намъ квартиру отвели въ зданіи штаба дивизіи. Помѣщеніе

отличное, но намъ пришлось еще обогрѣвать его своими боками, пока не разжились дровами. Войска отсюда такъ спѣшно уходили на позиціи, что мы застали на кухнѣ половину котла не розданной пищи. Только мы обогрѣли свои комнаты, приняли мѣры борьбы съ выползшими отовсюду клопами, какъ пришло приказаніе немедленно сниматься и ѣхать въ сел. Сарыкамышъ.

6.

Съ 5-ти часовъ утра 9-го ноября началась суматоха.

За ночь выпалъ снѣгъ. Нагрузка обоза производилась во тьмѣ, но это дѣло уже стало привычнымъ.

Пришелъ съ сѣвера какой-то эшелонъ, среди котораго сидитъ себѣ скромненько женщина-доброволецъ въ солдатской шинели, сапогахъ, шароварахъ и фуражки, изъ-подъ которой выглядываетъ молодое, привѣтливое, симпатичное лицо жены запаснаго, ожидающаго отправки туда, на боевую страду, гдѣ уже борется за родину ея муженекъ.

Только въ 11-мъ часу удалось намъ двинуться въ путь-дорогу. Потеплѣло и снѣгъ подтаялъ. Александрополь остался вправо.

Вотъ громадныя казармы Сѣверскаго драгунскаго полка, церковь, обширное армянское, видимо, кладбище съ оригинальными памятниками.

Громадная долина. Улицы. Селенія. Вотъ станція Арпачай. Стоитъ санитарный поѣздъ—большой-большой. Обходитъ вагоны сестра и врачъ, дѣлая, кому нужно, перевязку.

Г. Арпачай, небольшой. Мало воды. Уныло вокругъ. Все выжжено. Слѣва, далеко по долинѣ, тянется лента поѣзда изъ Эривани. На слѣдующей станціи, названной по бывшему здѣсь бою, стоялъ поѣздъ съ плѣнными. Отсюда подъемъ петлей. Слѣва большое село съ каменной церковью. Нѣсколько разъ видѣли станцію все шире и шире. Дальше ѣдемъ среди каменнаго коридора, обложеннаго плитами. На поляхъ грандіозные склады сѣна—все стога, стога. Впереди ровное плато, покрытое легкимъ налетомъ снѣга.

Вотъ ст. Башкадыкларъ, мѣсто крупнаго боя 1877—78 гг. Сильно грѣетъ солнце. Все жильѣ, поля, а селеній что-то не видно.

Обширная равнина, окаймленная вдали горами. Полземъ все выше и выше. Вотъ и ст. «Ставка Маира», ¹⁾ а тамъ и Карсъ.

Передъ нимъ справа рядъ сопокъ, гдѣ и расположилась крѣпость у входа въ скалистое ущелье Карсъ-чая. Проволочныя за-

¹⁾ Ставка.

граждениа, между которыми проходить путь. Справа желѣзный мостъ. Въ котловинѣ виднѣтся городъ. Видны зданія, церкви. Одна изъ нихъ, кажется, чуть не X вѣка, обращенная турками въ мечеть и теперь возстановленная. По краямъ крѣпостныя сооруже- ния. Унылый видъ. Всюду одни солдаты. Станція обширная. Мальчишки продають «Карскій Вѣстникъ» съ запоздалыми свѣдѣ- ниями. Вотъ подошелъ къ намъ и просится добровольцемъ гимна- зистъ 6-го класса Бакинской гимназiи, добравшiйся сюда съ сапе- рами. Но дальше разрѣшается ѣхать, особенно лицамъ женскаго пола, только по особымъ удостовѣренiямъ личности, а потому пришлось отказать и направить за разрѣшенiемъ къ властямъ. Ѣдемъ вдоль предмѣстья города. Тѣ же все зданiя сѣро-чернаго камня съ плоскими крышами. Вотъ снова проволочныя загражде- нiя. Слѣва укрѣпленiе, а дальше снѣговыя горы. Вечерѣтъ. Зажи- гаются въ крѣпости огни. Опять подъемъ, поля, жилые, дуга. Слой снѣга все толще.

А. П—ъ.

(Продолженiе слѣдуетъ).

Первый Россiйскiй солдатъ Сергiй Леонтьевъ, сынъ Бухвостовъ, родился въ 1642 году, скончался ноября 30-го 1728 года; жилъ больше 86 лѣтъ; былъ росту средняго, силенъ, твердъ, скромнъ и весьма воздержанъ.

Пропеходилъ изъ придворныхъ служителей. Въ 1683 году, ноября 30-го, при началѣ военно-потѣшной службѣ первѣйшимъ въ оную самоохотно предсталъ, по- тому Государь Петръ Великiй тогда же симъ первенствомъ почтить его соизволилъ. Служилъ потомъ въ лейбъ-гвардiи Преображенскомъ полку въ Bom- бардирской ротѣ до оберъ-офицера, а потомъ въ артилерiи до маiора; избѣгалъ излишняго славолюбiя, отказываясь отъ повышенiй.

Русскiй солдатъ и его служба въ народныхъ возрѣвнiяхъ.

Народное творчество и въ текущiе дни великой войны.

(Съ портретами, рисунками, поемами).

*(Продолженiе). **

Пословицы и поговорки—выраженiя вѣковой народной муд- рости, заключающiя въ себѣ ту или иную истину. «Въ пословицу обращалось всякое выраженiе яснаго сознанiя, глубокаго ума, мѣткаго остроумiя, которое открывало какую нибудь полезную и важную для жизни народа истину; поговорки же, присловья, вы- ражаютъ только намекъ, уподобленiе, сравненiе, удачный оборотъ рѣчи» (И. М. Снегиревъ). Они переходятъ преданiемъ изъ поколѣнiя въ поколѣнiе; признается, что: «Пословица въ вѣкъ не сломится»—и что: «Пословица не мимо молвится».

Мы предлагаемъ по темѣ нашего труда выборки пословицъ и

* См. «В. Сб.» № 3, 1916 г.